

УДК 111

ОНТОЛОГИЯ КОНЦЕПТА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ

Т.В. Борисова, С.Ю. Анисимова

ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет», г. Самара

Проводится сравнительный анализ концептуализации онтологических оснований памяти философами Античности, Средних веков и Нового времени. Подчёркивается, что специфика трактовки онтологических оснований определяется временными моделями каждой эпохи и её социокультурным контекстом. Делается вывод о роли междисциплинарности в исследовании онтологии исторической памяти.

Ключевые слова: *общая теория памяти, концепт исторической памяти, темпоральные модели, междисциплинарность знания.*

Выбор методологических подходов к проблематике изменений и трансформаций содержания образов исторической памяти и способов её презентации нуждаются в некотором пояснении. Очевидно, что аналитическая составляющая философского дискурса исторической памяти определяет не только способности к исследовательской деятельности, но и показывает глубину и степень овладения тем материалом, с которым приходится работать автору в рамках обозначенного исследовательского поля. В то же время, собственный анализ динамических изменений образов исторической памяти связан с необходимостью учёта всей совокупности оснований социальной жизни, имманентно присутствующей в любом социокультурном механизме исторической памяти на каждом этапе общества. В силу того, что историческая память, как социокультурный феномен всегда связана с историческим способом существования, пребыванием в истории, то проблематикой исторической памяти оказывается эвристически связанной не только с дискуссиями о роли истории в пространстве наук. Сегодня проблематика исторической памяти преломляется через призму междисциплинарных исследований посредством естественнонаучных и философских экспликаций. Данный вывод позволяет методологически поощрять учёного сформулировать собственный контекст исследований исторической памяти в рамках общей теории памяти и при этом определить горизонты этого контекста на основе анализа разнообразных форм жизнедеятельности.

В русле сказанного, считается целесообразным дополнить традиционную парадигму психологических и исторических подходов к изучению исторической памяти ресурсами междисциплинарных исследований. Всем известны многочисленные трактовки исторической памяти, как некоего отпечатка, «следа прошлого» или некой знаковой системы, реферирующие эти отпечатки и «следы». Не спорим, что учёные, работающие в данном направлении, внесли определённый положительный вклад в теорию исторической памяти: был всесторонне исследован феномен исторической памяти, как образа знания о прошлом. В наше время этого недостаточно. Многие учёные настоятельно рекомендуют традиционную концепцию исторической памяти дополнить междисциплинарными теориями, например, теорией развивающихся систем, теорией генно-культурной коэволюции [20; 21] и

др. Так, Суховерхов А.В. считает, что это поможет придать феномену исторической памяти онтологический статус, который связывает исследование памяти с актуальными системными процессами. «Например, процессы метаболизма, забота о потомстве, приготовление пищи, проведение сезонных аграрных работ, государственных и религиозных праздников, политических выборов, спортивных мероприятий (Олимпийских игр) не только основаны на памяти, но и сами являются живой памятью и актуальной трансляцией памяти» [19, с. 2].

Отметим, что актуализация памяти, как жизненного основания, проявляется и в самих процессах самопроизводства и самотрансляции памяти, в тех или иных формах жизнедеятельности, и в обратном воздействии этих форм на характер и содержание памяти и её образов. Подчеркнём, что процесс самоактуализации делают память «живой», а не только механическим отражением в «следах» прошлого. Сделаем вывод: актуализация памяти одновременно конституирована культурным контекстом социума и конструирует этот контекст в соответствии с запросами социума. Именно в структуре этого взаимодействия осуществляется процесс изменений и трансформаций образов памяти как «живого информационного организма», который заполняется традициями, эмоциями, нормами идентификаций, смыслами и надеждами.

Подчеркнём, что в каждой социокультурной системе историческая память, выполняя функцию репрезентации (замещения) событий или факта, артикулирует историческую миссию ценностного отбора: что надо помнить, чего не надо помнить, как и зачем помнить. Результаты этого отбора закрепляются конкретным государством в качестве идеологического образца и политических ориентиров.

Известно, что образы памяти вписаны и существуют в архитектонике «сценариев темпоральности», содержание которых ангажировано социальными запросами общества. Внутри общества консолидируются социальные действия, посредством конкретных форм жизнедеятельности, имплементированных в практических нормах и правилах поведения.

Общеизвестно, что культура предьявляла две модели темпоральности, которые форматировали парадигмальную установку: вечность – время, в соответствии с конкретным типом мировоззрения, рациональности и спецификой ментальности [18]. Память, выступая презентантом модальностей «вечность» или «время», гарантировала актуализацию темпорального процесса посредством самосохранения и самотрансляций тех образов, которые ранжировали выбор конкретного сценария темпоральности. Наглядно процесс актуализации памяти, как референта жизни и гаранта продолжения жизни, можно наблюдать в структурах человеческого Космоса античного мира, специфика которого характеризовалась: поисками основания мира, превосходства слова над другими инструментами власти, развитой системой воспитания и образования, направленность греческого разума не на объекты, а на взаимоотношения людей [2; 8].

Античный мир проводил чёткое разграничение темпоральной сферы вечности и времени. Так, Парменид, соотнося память с алгоритмами вечности, трактовал память как равновесие света и тьмы, тепла и холода и сформировал образ памяти «мерного» бытия. И стоит только нарушить равновесие бытия, как память исчезает и начинает действовать забвение. Экспликацию образов памяти продолжает развивать Платон [16]. Систематизацию образов памяти

Платон начинает с включения её в контент физиологических структур мозга. При этом философ актуализирует память как специфическую мыслительную деятельность, что организует и использует прошлое в формах знания. Платон пишет: «...чем мы мыслим – кровью, воздухом или огнём? Или же ни тем, ни другим и ни третьим, а это наш мозг вызывает чувство слуха и зрения, и обоняния, а из них возникает память и представление, а из памяти и представления, когда они приобретут устойчивость, возникает знание...» [14, с. 66]. Традиция актуализации памяти-знания была продолжена развитием медицины (римский врач Гален II в. н.э.), учёными, философами и естествоиспытателями Д. Гартли (1705–1757), Ш. Бонне (1720–1793) и др. В современной общей теории памяти образ памяти – «естественнонаучного знания» продолжает разрабатываться в рамках теорий развития системных процессов.

Если Пифагор «...был не хранителем знания, а хранителем памяти», позиционировал память в структуру педагогического процесса: учитель – слово – ученик, то Платон вместе с Парменидом акцентирует внимание на экспликации образа памяти-знания в темпоральной модели вечности [13, с. 52]. Именно память-знание позволяет сохраниться вечности и ни кануть в пространство не-бытия. Всем известно, что античный мир не доверял истории, да он её и не имел историю в современном её понимании. Но в структуре античного времени – времени героев – всегда присутствовала метафизическая боязнь исчезновения из жизни, боязнь небытия. Эту боязнь чётко зафиксировала античная философская мысль. Но Платон не только не расходится с Пифагором, но и поддерживает его позицию в том, что память даётся человеку не только для удержания себя в вечности, но для формирования и воспитания души. «Мало остаётся таких душ, у которых достаточно сильна память. Они всякий раз, когда увидят что-нибудь, подобное тому, что было там, бывают поражены и уже не владеют собою», – сетует Платон [15, с. 186]. Есть разные способы воспитать душу. Самый распространённый – это письменный текст, но Платон критически относится к нему, он считает, что письмена – это мнимый способ формирования памяти. «В душе, научившись им (письменам. – отмечено мною), они вселяют забывчивость, так как будет лишена упражнения память: припоминать станут из вне, доверяясь письму, но посторонним знакам, а не изнутри, сами собою. Стало быть, ты нашёл средства не для памяти, а для припоминания. Ты даёшь ученикам мнимую, а не истинную мудрость» [15, с. 216–217]. Формирование истины, мудрой памяти Платон связывает с созерцанием Прекрасного. Только обнаружив Прекрасное в красоте тела, душе, знании мы «оставляем бессмертную память... бессмертие – вот чего все жаждут», – считает Платон [14, с. 141–142].

Таким образом, человеческое (жизнь поколений и полиса) и бессмертие, временное и вечность – одновременно разделяются и переплетаются в мировоззрении древних греков. Именно память способна уберечь и сохранить всё то, что подвержено разрушительной работе времени. Память сберегает нас от забвения «Это отразилось в их языке, – замечает О.М. Ломако, – знание и память – одно слово мнемэ. Поэтому богиню памяти зовут Мнемозина» [13].

Аристотель, продолжая линию Платона по систематизации образов памяти, включает её в тематику работы когнитивных структур, описывающих соотношения разума и внешнего мира. «Память же, в том числе, и о мыслимом не может обойтись без представления, представление же есть состояние общего

чувства, так что уму память будет свойственна по совпадению... какой части души принадлежит память, ясно: той, которой и воображение. И предметами памяти в собственном смысле являются те, которые можно вообразить, а уже по совпадению – те, которые не связаны с воображением», – рассуждает Аристотель [4, с. 162].

Продолжая начатую традицию включения феномена памяти в темпоральность, Аристотель акцентирует значение образа памяти–знания, как таинство процесса познания, в котором через память настоящее приобщается к прошлому и выходит на будущее «Если же мы приобретаем способность (познание) не имея их раньше, то как мы можем познавать... не имея предшествующего знания», – вопрошает мыслитель [5, с. 345]. Но Аристотель идёт дальше Платона. Он, полагает феномен исторической памяти не только в качестве длящегося пребывания во времени, но и в качестве значения – объединяющего историю и поэзию: «Ибо историк и поэт различаются не тем, что один пишет стихами, а другой прозой... различаются они тем, что один говорит о том, что было, а другой – о том, что могло бы быть» [6, с. 665]. Поэзия, заключает Аристотель, философичнее истории, так как она говорит об общем, а история о единичном. Этим выводом Аристотель форматирует будущее проблемное поле истории философии, в котором тематика исторической памяти будет играть не последнюю роль. Выскажем предположение, что философы античной классики сумели обосновать содержание памяти не только как хранителя и трансформатора знания. Они рассматривали память, как актуальный, непрерывный процесс взаимодействия и взаимообогащения различных видов знания (естественнонаучного и гуманитарного), заложив тем самым традицию междисциплинарности в познании.

Помня знаменитый афоризм Козьмы Пруткова «нельзя объять необъятное», ограничим античный дискурс памяти вышеупомянутыми философами, не подвергая сомнению при этом значительный вклад в разработку данной тематики и других мыслителей Греции. Например, Плотин в своём трактате «Об ощущениях и памяти» тоже высказывает интересные идеи [17].

Не следует забывать, что анализ памяти, осуществлённый античной мыслью, был не только плодом её рефлексивных усилий, но и результатом исследования всех форм жизнедеятельности греческого полиса. В структуре различных форм жизнедеятельности память, включаясь в темпоральность, не только актуализировала оппозицию: вечность – время, но и была фрагментарно представлена в качестве живого организма, хранившего и реализующего заданные нормы и правила в хронологических циклах хозяйственной деятельности, судьбах людей, механизмов самоидентичности. «Например, знаменитый Фукидид в своих трудах актуализирует циклический характер времени, полагая, что события прошлого, в том или ином виде, повторяются в будущем. Другой историограф – Полибий обращает внимание на связь исторической памяти с судьбой человека, он утверждает, что знания прошлого способны примирить нас с собственной судьбой. Другой историограф Плутарх тематизирует воспитательную функцию исторической памяти. “История” Геродота дает начало новой функции исторической памяти – функции формирования идентичности: память делает нас теми, кто мы есть» [3].

Резюмируем вышесказанное. Основным эпистемологическим результатом, что достигла античная мысль в проблематике памяти, была первичная

разработка схемы образов памяти, которые сопоставлялись с образами знания. Но, это не главное! Актуализировав память в темпоральную оппозицию вечность–время интеллектуалы античного мира заложили основы утончённой и перспективной, в методологическом плане, парадигмы классической рациональности, определив границы её возможностей и научные стандарты. В рамках классической рациональности стало возможным анализировать формы жизнедеятельности человека в динамике их развития и изменений. Историческая память, как живой актуализированный процесс хранения, самотрансляций, самопроизводства, знания о прошлом, исполнение его в настоящем и надежды на будущее, органически вписывалась в динамику человеческого бытия как социального. При данном подходе открывается перспектива выхода на поиск онтологических оснований исторической памяти. Напомним, что античная мысль постепенно выходила на эту перспективу, заложив основы традиции поиска онтологических оснований памяти или в темпоральном круговороте вечности, или во временных ресурсах трансляции знания, где память начинает актуализироваться процессуально. Средневековая философия продолжила эту традицию. Например, Аврелий Августин, продолжая развивать идеи Античности, легитимизирует модель вечности, отождествляя её с временем Бога. Но так как в средневековой картине мира линия Бога, как потока вечности, была разорвана грехопадением человека, в структуре земной жизни активно артикулировалось физическое время, время природы. Эти времена конституировались многочисленными хронологическими ориентирами: аграрными, властными, духовно-духовными. В средневековой повседневности господствовало время церковного колокола, время сельскохозяйственных практик, время рыцарских доспехов. Соответственно, память маркировала хронологическую последовательность «встроенного» во времени действий и событий. Так, память крестьянина актуализировала алгоритмику сельских будней: рубку леса, выпас и забой скота, жатву и сбор урожая, радость сельских посиделок и праздников. Память сеньора–рыцаря хранила и активизировала сцены куртуазной жизни, рыцарские турниры и военные походы. А память священнослужителя транслировала церковные традиции и в духовных битвах Добра и Зла охраняла души людей от греха и происков дьявола. При этом, как отмечает известный французский историк Жан Ле Гофф: «...мера времени была ставкой в борьбе, которую вели за нее господствующие классы: духовенство и аристократия... мера времени оставалась в течение большей части Средневековья достоянием могущественных верхов. Народная масса не владела собственным временем и была неспособна даже определить его» [12, с. 167]. Таким образом, память, в пространстве земной жизни, постепенно становится медиатором власти, которая жёстко заявляет о себе в генеалогической памяти рода. Любой сеньор средневекового общества трепетно хранил и усиливал линию своей генеалогии, ибо ставка в борьбе за родовое превосходство была высоко – статусное место со всеми вытекающими из него благоприятными последствиями. В итоге, жизнь человека развёртывалась одновременно в двух пластах времени. Это пласт эмпирической земной жизни, заполненной повседневными хлопотами, о выполнении которых всегда напоминала память. И пласт Божественного замысла и Предначертания, в ходе которого решались судьбы мира и судьбы конкретных душ. Двухуровневая модель времени конструировала и двойственность памяти. Это обстоятельство, казалось бы, не предполагало

наличия каких-либо онтологических оснований памяти. Но, парадокс! В содержании двойственности начинает формироваться новое измерение памяти не только как наследие прошлого, что познаётся выявлением, описанием и истолкованием артефактов и письменности. Посредством памяти человек начинает осознавать себя участником всемирно-исторической драмы, где определяется судьба мира и его самого. Память приобретает смысл, измерение горизонтов прошлого, настоящего и будущего. Память не только отражает, но обуславливает, исполняет. Память становится по-настоящему исторической, разворачивая не только временную темпоральность, но и формы человеческой деятельности. «Правильнее было бы, пожалуй, говорить так: есть три времени – настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее будущего... настоящее прошедшего – это память; настоящее настоящего – его непосредственное созерцание; настоящее будущего – его ожидания», – утверждает Августин [1]. Позднее идеи Августина были развиты Боэцием, Фомой Аквинским и другими мыслителями Средневековья.

Обобщим сказанное. В контексте средневековой картины мира память начинает приобретать определённую структуру. Одновременно качественное и количественное, память позиционирует Божественное творение в его начале, кульминации и грехопадении, выходя при этом на траекторию взаимодействия прошлого, настоящего, будущего. С другой стороны, историческая память с линейной последовательностью воссоздаёт неизменную схему опыта поколений, поддерживая тем самым организационную непрерывность и устойчивость различных норм жизнедеятельности человека. При этом наблюдается постепенное смещение онтологического основания статуса временной процессуальности в сторону онтологизации однотипных схем практической деятельности. Уже в позднем Средневековье это смещение проявилось конкретно в процедурах обобщения «...стабильности, традиционности, повторяемости» стандартных образцов, которые можно применить в любой сфере человеческого бытия [10, с. 138].

В эпоху Нового времени процесс онтологизации алгоритмов и стандартов жизнедеятельности проходило под флагом смены приоритетов в сторону пересечения нового класса предпринимателей с цивилизационными запросами общества, которое нуждалось в дальнейшем развитии науки и техники. Идеи гуманистов – просветителей эпохи Возрождения вкупе с успехами математики и механики XII–XIII вв. обосновали логическую и естественную взаимосвязь природы с разумом человека, сформировав при этом представление о мире, как едином целом. В рамках этого единства статус субъективности в научном познании приобретает характер методологических ориентиров, с помощью которых можно продолжить работу над классификационными основаниями знания, начатую Платоном и Аристотелем. При этом становится возможным уточнить границы и потенциал памяти, как модератора организации процессов взаимодействия наук. Если Аристотель организовывал знание по способностям мышления, то знаменитый Френсис Бэкон предложил матричный способ классификации знания по методу наук. Он разделил знания на науки разума – «философия» или «чистая наука»; науки памяти – «история» и науки воображения – «поэтика» [7, с. 156]. Так как историю и память объединяет общая матрица – таксон метода, то в его рамках философ актуализирует память как инструментальный – способ действия, с помощью которого можно рассчитывать, организовывать, планировать деятельность. «История, – подчёркивает он, –

...собственно говоря, имеет дело с индивидуумами, которые рассматриваются в определённых условиях места и времени» [7, с. 156]. Данный подход Ф. Бэкона соответствует духу и умонастроению эпохи. Артикулирование онтологических оснований форм жизнедеятельности в сторону жёсткой стандартизации диктовалось потребностями самой эпохи, вектор темпоральности которой определялся не всеобщностью Бога или цикличной ритмикой природы и организационным пространством церкви, а другим измерением. Время стало измеряться часовыми механизмами. С их помощью можно было узнать точное время суток, что помогало планировать, распределять, стандартизировать любую область жизни. Это повышало фактор значимости личного времени, накладывало обязательство согласования своих поступков и действий. При этом личное время становится эффективным ресурсом и в рамках линейной перспективы можно организовывать своё настоящее посредством прошлого и целеполаганием будущего. Следуя установкам своей эпохи, Бэкон выходит на новый аспект памяти, он тематизирует её инструментальность как вспомогательное средство в получении знания. Заметим, что роль таких вспомогательных средств памяти, как письма и запоминание он оценивает весьма низко [7, с. 326–329]. Но содержательному функционалу памяти он придаёт огромное значение, включая в структуру памяти предварительное знание и эмблемы. «Предварительным знанием (*praenotio*) мы называем своего рода ограничение бесконечности исследования; ведь когда мы пытаемся вызвать в памяти что-то, не обладая при этом никаким представлением о том, что мы ищем, то такого рода поиски требуют огромного труда и ум не может найти правильного направления исследования, блуждая в бесконечном пространстве. Но, если ум обладает каким-то определённым предварительным знанием, то тем самым бесконечность немедленно обрывается и память действует уже на более знакомом и ограниченном пространстве, что напоминает охоту на лань в ограде парка. По этой же причине бесспорную помощь памяти оказывает и порядок. Ибо в этом случае существует предварительное знание того, что предмет нашего исследования должен отвечать данному порядку» [7, с. 328–329]. «...предварительное знание является первым элементом искусственной памяти. Ведь в искусственной памяти мы обладаем определёнными местами, уже заранее подготовленными и приведёнными в систему... эмблема (чувственный образ. – авт.) формируется мгновенно, в соответствии с обстоятельствами» – продолжает рассуждать Бэкон [7, с. 329].

Инструментальный характер памяти, как её способность приводить в порядок измерительные единицы тел или геометрических фигур, отмечает и Рене Декарт. «...бесчисленные измерения... важно сохранять в памяти... таким образом, чтобы они легко представились всякий раз, когда в них будет нужда. Повидимому, для этой цели природа и создала память» [11, с. 156–157]. Таким образом, оба философа подчёркивают содержательный функционал памяти, инструментальность которой помогает раскладывать по полочкам, определять порядок и место как знания прошлого (предварительное знание), так и чувственные образы. Тем самым организуются процессы нахождения, расположения и выражения любого алгоритма действия. Но Френсис Бэкон идёт дальше. Он усложняет классификационную структуру наук разделением истории на естественную и гражданскую: «В естественной истории рассматриваются явления и факты природы, в гражданской – деятельность людей. Естественная история – это история приро-

ды... её исключительных явлений... и истории взаимоотношений природы и человека» [7, с. 158–159]. С позицией Бэкона солидарен Томас Гоббс. Он пишет: «Имеются два рода знания, из которых первое есть знание факта... Первый ряд знания есть не что иное, как... память, является абсолютным знанием, например, когда мы наблюдаем совершившийся факт, или вспоминаем, что он совершился... Запись знания факта называется историей, которая имеет два вида: одно называется естественной историей и является... явлением природы... другой называется гражданской историей и является историей произвольных действий людей в государстве» [9, с. 113]. Рассуждения двух философов интересны двумя моментами. Во-первых, наконец признаётся, что природа имеет свою историю, а значит – имеет собственную память. Во-вторых, границы актуализации памяти, как природного исторического процесса, расширяются, а её потенциальный инструментальный усиливается. Историческая память не только транслирует эпистемологическое обоснование научного знания, но и расширяет горизонты взаимодействия генетического кода природы и смыслового кода культуры общества.

Обобщим вышеизложенное. Философская мысль Нового Времени задала исследованию памяти новый контекст. Окончательно сформировалась трактовка памяти, как эффективного актуализатора развития природных и культурных систем, в которых память осуществляет связь прошлого, настоящего и будущего. Была так же продемонстрирована значимость инструментального функционала памяти, как организатора нормирования научных исследований и стандартных образцов деятельности. В онтологическом ракурсе память по-прежнему сохраняет временное измерение в процессуальной динамике знания. В связи с этим вспомним знаменитый афоризм Френсиса Бэкона: «Истина – дочь Времени, а не Авторитета», и Бэкон подтверждает свою научную самооценку высказыванием: «...мои слова нуждаются в столетии, в целом столетии для доказательства их истинности и во многих веках для своего осуществления» [7, с. 546].

Воздав должное экспликационным усилиям интеллектуальной мысли Античности, Средневековья и Нового времени, оценим полученные ими результаты в становлении общей теории памяти, прояснив при этом нашу мотивацию выбора конкретных персоналий, которые участвовали в этой работе. Выбор конкретного учёного, принимавшего участие в дискурсе памяти, определялся эффективностью вклада, что внёс учёный в обоснование онтологической составляющей концептуализации памяти и анализом той роли, что играла память при актуализации собственного потенциала в контекстах трансцендентальных универсалий: Бога, Природы и Знания. Напомним, что каждый универсум имеет «собственный сценарий» темпоральности, в котором соотносительность вечного и временного организовывала специфику в динамике исторического бытия, траектория которого определялась взаимодействием природных и социальных систем. В своих исследовательских программах философы указанных эпох артикулировали онтологическую основу истории природы и общества – как общее, проявленное в многообразии, изменчивости и стабильности. Это позволило сформулировать схематику историчности мира, как единого целого, детерминированного процессами развития. в пределах единой целостности философы выделяли и анализировали специфику различий природного и социального – знакового (по Ф.Бэкону – эмблемы). В последствие результаты философских исследований постулировали классическую рациональность, как образец такого

знания, что способно одновременно отражать и задавать ориентиры для познания и жизнедеятельности людей. В целом, философы Античности, Средневековья и Нового времени заложили начало трактовки памяти как живого организма, проявляющую свою актуализацию на различных уровнях. На онтологическом уровне концептуализация памяти проявила себя через развёртывание метафизики «исторического сущего» и «исторического бытия» в темпоральном ракурсе постоянных в возобновлениях. Так, «историческое сущее» схватывало всё то, что происходит: обстоятельства, различия, возникаемое, исчезнувшее. А «историческое бытие» – это то, что существует, прибывает, означает. В динамике исторического сущего и бытия память актуализирует взаимосвязь прошлого, настоящего, будущего, как перспективу развития не только природы и общества, но и их взаимодействия. Философы Нового времени внесли значительную лепту в анализ онтологических оснований памяти. Следуя социальным запросам эпохи, философы обратили внимание на смещение онтологических акцентов роли памяти в процессе единого развития в сторону обоснования инструментальной актуализации памяти, как функционала стандарта и алгоритма для всех форм жизнедеятельности человека.

На гносеологическом уровне философы рассматривали память как трансляцию и реализацию такой системы знаний, которая хранила и передавала человеческий опыт в форме нормативно-заданных схем воспроизводства.

Суммируем вышесказанное замечанием, что форматирование антропологических аспектов памяти осуществлялось в пределах лишь психофизиологического контента. Поэтому возникает перспективная необходимость презумировать память в экзистенциально-онтологических ситуациях. Но эта задача философов неоклассики.

Список литературы

1. Августин. Исповедь // Творения Божественного Августина, Епископа Иппонийского. 3-е изд. Киев, 1914. Ч. 1. 442 с.
2. Антология мировой философии: в 4 т. М.: Мысль, 1969. Т.1. Ч.1. Философия древности и Средневековья. 576 с.
3. Анисимова С.Ю. Историческая память в историографии античной Греции: философский анализ взаимодействия // Аспирантский вестник Поволжья. 2015. № 3–4. С. 13–16.
4. Аристотель. О памяти и припоминании // Вопросы философии. 2004. № 7. С. 161–168.
5. Аристотель. Вторая аналитика. Книга вторая. Глава девятнадцатая (Познание начал) // Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1978. Т. 2. 345 с.
6. Аристотель. Поэтика // Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1984 Т. 4. С. 645–680.
7. Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук. Книга Вторая // Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1971. Т.1. 567 с.
8. Вернан Ж.П. Происхождение древнегреческой мысли. М.: Прогресс, 1988. 224 с.

9. Гоббс Т. Левиафан или материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Избранные произведения: в 2 т. М.: Мысль, 1964. Т. 2. 744 с.
10. Гуревич А.Я. Категории Средневековой культуры. М.: Искусство, 1972. 318 с.
11. Декарт Р. Правила для руководства Ума // Избранные произведения. М.: Политическая литература, 1950. 709 с.
12. Ле Гофф Ж. Цивилизация Средневекового Запада / пер. с фр. М.: Издательская группа Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. 376 с.
13. Ломако О.М. Социальная память как дрящущая актуальность: сб. научных трудов // Философия времени: онтологические начала и ценностные дискурсы. Всероссийская конференция, VII Аскинские чтения. 21 октября 2016 г. Саратов: КУБИК, 2017.
14. Платон. Пир // Сочинения: в 3 т. М.: Мысль, 1970. Т. 2. 609 с.
15. Платон. Федон // Сочинения: в 3 т. М.: Мысль, 1970. Т. 2. 609 с.
16. Платон. Федр // Сочинения: в 3 т. М.: Мысль, 1970 Т. 2. 609 с.
17. Плотин. Об ощущении и памяти // Вопросы философии. 2004. № 7. С. 169–173.
18. Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время. М.: Языки русской культуры, 1997. 800 с.
19. Суховерхов А.В. Общая теория биологической и социальной памяти: семиотический и процессуальный подходы // Научный журнал КубГАу. 2011. № 74(10). [Электронный ресурс] url: <http://ej.kubagro.ru/2011/10/pdf/10.pdf> (дата обращения – 15.05.2017)
20. Durham W.H. Coevolution: Genes, Culture and Human Diversity. Stanford, California: Stanford University Press, 1992, 337 p.
21. Cycles of Contingency: Developmental systems and Evolution. Edited by Susan Oyama, Paul E. Griffiths and Russell D. Gray. Cambridge, MA: The MIT Press, 2001, 656 p.

ONTOLOGY OF THE CONCEPT OF HISTORICAL MEMORY IN PHILOSOPHICAL DISCOURSE

T.V. Borisova, S.Yu. Anisimova

Samara State Technical University, Samara

The article compares the conceptualization of the ontological foundations of memory by the philosophers of Antiquity, the Middle Ages, and the Modernity. It is emphasized that the specifics of the interpretation of ontological bases are determined by the temporal models of each epoch and its socio-cultural context. It is emphasized that the ontology of historical memory should be studied most productively on the inter-disciplinary level.

Keywords: *general theory of memory, concept of historical memory, temporal models, interdisciplinary knowledge.*

Об авторах:

БОРИСОВА Татьяна Вадимовна – доктор философских наук, профессор кафедры философии ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет», Самара. E-mail: borisovatva@yandex.ru

АНИСИМОВА Светлана Юрьевна – преподаватель кафедры философии ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет», Самара. E-mail: anisimova.svietlana@mail.ru

Authors' information:

BORISOVA Tatyana Vadimovna – Ph.D., Professor of the Dept. of Philosophy, Samara State Technical University, Samara. E-mail: borisovatva@yandex.ru

ANISIMOVA Svetlana Yuryevna – lecturer of the Dept. of Philosophy, Samara State Technical University, Samara. E-mail: anisimova.svietlana@mail.ru